

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало на Родине хлебных полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу: стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои...

ПЛАСТИНКА

1

Пластинка моя, как судьба, долговечная.
Пластинка моя — вечеринка моя.
Вдруг ты появилась — девчонка беспечная,
Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огонь вылетающий
Сжигает дотла, призывает любить.
Я, жизнью избитый и сердцем не тающий,
Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей,
Как в юности жизнь, что нельзя покарать...
Мне в жизни греметь.

Жизнь беспечная та ещё,
Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится,
Где летнего запаха пряный настой.
Там песни и боль, там желаний сумятица,
Там солнца пластинка и сон золотой.

2

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка,
То Григ, то Вивальди. Утёсова хрип.
Но в тёмной ночи разрывалась пластинка,
И дыбилось время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе,
Крутилась земля, просыпалась семья
И пела: “Давно не бывал я в Донбассе”,
Хрипела: “Тянуло в родные края...”.

И первые рифмы сквозили так рано,
В ночи учащённо дышала земля...
Пахнуло горячей резиной с Майдана,
Жабрей, как татарин, стремился в поля.

Что стало с Донбассом, скажи мне, пластинка?
На съезд верлибристов я ездил в Донецк,
А нынче другая предстала картинка:
Там бомбы и танки. Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье,
Тебе, мой усталый и верный Донбас?
И где ты, из детства живое дыханье,
И где ты, пропавший во времени класс?

3

Пластинки не стало и поля не стало,
Качаются в небе стихи и цветы...
И льются дожди... Кто-то скажет устало:
— Ты пишешь ещё и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка,
Могучий Утёсов взойдёт, как утёс...
И ласковый колос взойдёт из суглинка,
И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой,
Какие в себя ещё в детстве вобрал...
Просторы земли были верной подмогой,
Чтоб свет нашей Родины не умирал...

У края судьбы появилась тычинка
И стала цвести. Это ты или я?!
Но, чу! Некий звук... Зазвучала “Калинка”...
Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский,
И, вздрогнув, ожили родные края.
И крикнула ты: — Прикатилась пластинка!
Пластинка твоя — журавлинка твоя...

* * *

За кедровой далью и осиновою
День-другой в зимовье проведу,
Посижу у лампы керосиновой,
И от битвы дух переведу.

Вышепчу тоску свою осеннюю
Узкому, дремучему окну.
Подожду летучего Есенина,
Блоку проходящему махну.

Мне от Блока тайна будет выдана,
И от Слова отданы ключи.
Зазвучит мелодия Свиридова,
И в тайге очнутся кедрачи.

Зазвенит метелица осенняя,
Чёрный космос высветит луна.
Я в зимовье приглашу Есенина
И налью убойного вина.

Сядем на сосновую колодину,
И, тревожа сонную тайгу,
Беспробудно будем пить за Родину,
За любовь и русскую тоску...

Николаю Зиновьеву

Чтобы только с ума не сойти,
Я к тебе улетал многократно.
Среди Млечного встану пути,
А потом возвращаюсь обратно.

Мимо чёрное небо плывёт,
Опустевшие русские дали...
И ознобом меня обдаёт
Среди русской беды и печали.

Стало небо черней во сто крат,
Но с земли его светом пронзает.
Это Коля Зиновьев, мой брат,
Нашу грешную землю спасает...

ПОЭТЫ РОССИИ

Анатолию Аврутину

Мы — скитальцы, мы возле небес, мы такие...
Нас по тёмным трущобам, по свету несёт.
Мы — усталая жизнь, мы — загадка России,
Но мы всё-таки те, кто Россию спасёт.

О бесстрашии помним, о времени помним,
Мы себя из себя каждый день достаём,
Святорусскую отчину музыкой полним,
Ту, которую в звонких стихах создаём.

Мы стоически держим земное пространство,
Замирая порой над погибелью дней.
Мы — российская мысль, мы её постоянство,
И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русской судьбою пребудем,
Неотступно идём по священной земле.
И в бою, и в скитаньях её не забудем,
И не сможем предать в наступающей мгле...